

Людмила Фёдорова

Дискурс массовых демонстраций

Przegląd Wschodnioeuropejski 7/1, 101-119

2016

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Людмила Фёдорова

Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

ДИСКУРС МАССОВЫХ ДЕМОНСТРАЦИЙ

Discourse of Mass Demonstrations

Ключевые слова: массовые демонстрации, речевая интеракция, полилог, полифония, унисон

KEYWORDS: mass demonstration, speech interaction, polylogue, polyphony, unison

ABSTRACT: The paper proposes an analysis of a phenomenon of mass demonstration in terms of a theory of communication and the dialogue grammar. The semiotic difference between “communication” and “demonstration” is taken into account. The operational concept of polylogue provides models of unilateral and multilateral interaction that can be estimated in their functional parameters. Mass demonstrations in Russia in 2011–2015 were examined as examples. The scheme of analysis is based on the Voloshinov-Bachtin’s model, issuing from the social event of speech interaction. Each mass demonstration reveals different social positioning of its participants. Polyphony and unison representing the united force in the general social position can be effective forms of action in mass demonstrations.

Введение

В настоящее время термин *дискурс* применяют к различным сферам речевой деятельности, языкового и невербального взаимодействия, уточняя границы общей функционально-тематической направленности текстов (ср. *публичный, философский, политический, национальный, официальный, массовый, интеллигентский* и проч. *дискурсы*), или отмечая круг его создателей и участников (ср. *дискурс власти, политиков, профессоров, интеллектуалов* и проч.), или акцентируя ценности и цели (ср. *дискурс свободы, стабильности, рекламы, войны, либеральных ценностей, массовой культуры* и проч.); дискурс здесь может пониматься как способ рассуждения и как «общий язык». Само понятие дискурса предполагает связанное, структурно организованное речевое произведение в отношении к условиям его производства; в более широком смысле – совокупность речевых произведений, сформированную обобщением по функциональным, тематическим, стилистическим, социокультурным или иным параметрам. Диалогический дискурс, таким образом, – это, прежде всего, определенный

условиями производства способ структурной связности текста, «интерактивный способ речевого взаимодействия», как определяет его М. Л. Макаров (Макаров 2003, 88) в понятиях дискурс-анализа (ср. обзор пониманий дискурса в: Серю 2001, 549–562). Таким образом, термин *дискурс* остается достаточно размытым понятием, удобным для определения общего контекста и материала исследования. Но для спецификации объекта описания, его структурных и функциональных характеристик, представляются более приемлемыми термины диалог, монолог и полилог в аспекте теории коммуникации.

Полилог как многостороннее взаимодействие

Понятие *polylogue* в работах зарубежных авторов связывается прежде всего с литературоведческим, семиотическим и философским содержанием в кругу понятий интертекстуальности и взаимодействия культур и в целом опирается на идеи полифонии текста по М. Бахтину как воплощения разноречия, разных голосов эпохи (Бахтин 1965, 286; ср. перевод разноречия как „heteroglossia”). Книга Ю. Кристевой 1977 г. так и называется – *Polylogue* (Kristeva 1977). Кристева соотносит полилог с интертекстуальностью, переключкой разных мнений, процессов означивания в разных практиках (язык, речь, литература, живопись). Здесь очевидна связь с диалогичностью, понимаемой, по Бахтину, как постоянный процесс коммуникации многих голосов, но уже не в ткани одного текста, а скорее вокруг него или в кругу родственных текстов. По этому принципу организован электронный журнал «Полилог», посвященный теории и практике современной литературы (<http://polylogue.polutona.ru/>), в каждом выпуске которого обсуждается творчество одного автора. В целом, подобный принцип лежит и в основе научных конференций, многие участники которых развивают общую тему с разных позиций и в разных аспектах. Вообще в современной языковой практике именно полилог приобретает все большее распространение – и в организованных формах многостороннего устного взаимодействия (дебаты, ток-шоу, круглые столы, всевозможные дискуссии), и в спонтанной сетевой коммуникации (форумы, блоги, просто комментарии к постам). Вместе с этим все более остро встают проблемы теоретического осмысления полилога как формы речи (см.: Балаян 1981; Яковлева 2007; Абиева 2010 и др.).

В философском ключе использует термин «полилог» Ф. М. Виммер (Wimmer 2004), охватывая универалистскую и межкультурную перспективы коммуникации. Х. Чен (Chen 2010), вслед Виммеру, рассуждает

о возможности достижения равенства в межкультурном взаимодействии в условиях культурного центризма, навязываемого более влиятельными культурами. Чен приходит к выводу, что полилог, основанный на равноправии культур, на их взаимовлиянии, но не монологическом навязывании, представляется идеальной моделью взаимодействия, предпосылкой успешности, эффективности взаимодействия. Он обращается к внутренней форме латинского *com-municare*, восстанавливая смысл 'приобщения', а не *trans-mission*, т.е. передачи информации, которая просто должна быть выслушана и понята/принята к сведению. Этот смысл соучастия очевиден для русского *общение*, но уже в значительной степени стерт для английского аналога *communication*, особенно в русском употреблении, где «коммуникация» часто противостоит «общению» именно как простая передача информации. Обосновывая полезность для теории коммуникации модели полилога как многостороннего общения, Чен тем не менее подчеркивает, что эта модель не является дескриптивной, не описывает реальную структуру общения, скорее она представляет идеальные условия, в которых должна разворачиваться многосторонняя коммуникация, – равноправие голосов, их вовлеченность в общий процесс.

В отечественной лингвистике термин *полилог* используется в значении «речевое взаимодействие многих участников». По признаку «число участников речевого события» принято различать монолог как речь одного говорящего, диалог как разговор двоих и полилог как взаимодействие многих участников. Заметим сразу, что такое разделение противоречит внутренней форме греческого *dia-logos* – «через-словие», которое вовсе не ограничивает число участников общения, но предполагает лишь *чередование* их высказываний. Полилог может рассматриваться как частный случай диалога в широком смысле – т.е. как упорядоченное взаимодействие многих участников; но может пониматься как нечто хаотичное – неорганизованное звучание множества голосов, разноречие; такое понимание также принято в зарубежной традиции, наряду с более широкой философской его трактовкой (см. Wimmer 2004; Chen 2010). Очевидно, это крайние случаи многостороннего взаимодействия, и они могут быть описаны в границах общего понятия.

Полилог как многостороннее взаимодействие в отличие от двустороннего обнаруживает ряд собственных существенных свойств, в частности структурных.

Пара реплик с простой диалогической связью «акция – реакция» образует интеракцию (акт речевого взаимодействия), простейший диалог. Интеракция в полилоге может включать столько же реплик, сколько и участников.

Реплики в полилоге могут формировать различные структуры, как замкнутые, так и открытые. Вот некоторые примеры простейшей комбинаторики для трех участников (с учетом возможного увеличения их числа).

1) «Цепочка»: акция А порождает реакцию В, которая в свою очередь порождает реакцию С, и т.д. Цепочки представляют собой транзитивные незамкнутые структуры.

2) «Веер»: акция А связана с пучком реакций остальных участников (В, С, и т.д.), образующих совместную многоголосную реакцию. Эта реакция может быть несогласованным разноречием или складываться в полифоническое звучание.

«Веер» (пучок) представляет собой незамкнутую структуру (отсутствуют связи вида $B \iff C$). Это может быть и пучок реплик, вызванных одним неречевым событием. Во многом согласованность действий определяется общей социальной позицией участников. Если она подкрепляется диалогическими взаимодействиями между реагирующими участниками, это уже будет осложненная структура, вплоть до замкнутой (см. 4).

3) «Стена» – одновременные и единодушные реакции на А сливаются в унисон, т.е. множество реагирующих участников выступают сплоченно, как стена, как один коллективный участник. Фактически это двустороннее взаимодействие «лидер – стена».

4) Возможна и полная, замкнутая, структура, в которой каждый вступает в диалогический контакт с каждым из участников; однако, если для троих это возможный вариант, то для большого числа участников это скорее крайний случай, чем типический. Коммуникативное пространство оказывается перенасыщенным диалогическими связями, и говорящим может быть трудно услышать друг друга. Это пересекающееся многостороннее взаимодействие типа «тусовки».

5) Более обычен упорядоченный вариант – «круглый стол»: каждый из участников своей репликой отвечает всем, выступая в условленном заранее или регулируемом порядке. Этот случай отличается от «веера», где каждый отвечает одному, еще и тем, что действия участников регламентированы.

6) Типичен вариант, при котором не всякий участник полилога может производить свою реплику, сохраняя пассивное участие: «услышал / понял / принял к сведению», при том что часть участников активны. Это смешанный случай типа «урок» – сочетание одностороннего (монологического) и многостороннего участия в неполной структуре взаимодействия.

7) Еще один крайний случай – одностороннее взаимодействие, при котором акция А направлена ко всем, но не получает ответных реакций.

Это монологическое воздействие. Авторитарность монолога может опираться на высокую социальную позицию говорящего, ведь «слушают того, кто имеет власть или пользуется особым авторитетом», как отмечал еще в 1923 г. Л. П. Якубинский (1986, 72). Такой тип взаимодействия условно назовем «инструктаж».

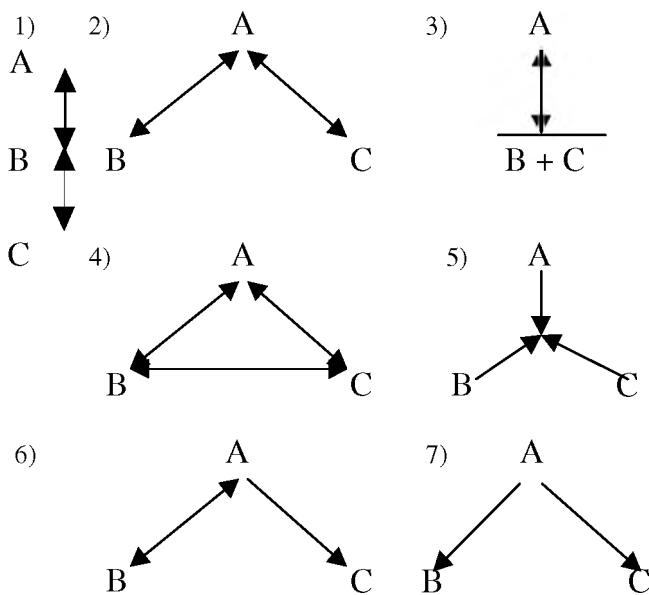
Это основные (но не исчерпывающие) возможности структурной организации диалога, однако на практике они осложняются рядом факторов.

Сложность многостороннего взаимодействия еще и в том, что диалогические отношения могут связывать каждую реплику-реакцию со всеми предшествующими как с текстом коллективного адресата; такой случай представлен в модели «круглый стол», но в реальности ситуации подобного рода могут складываться и в других случаях, причем такие отношения не всегда однозначно определимы.

Другая сложность – в наложении разных реплик, которые ломают нормальный порядок чередования «правильного» диалога и создают тот самый «хаос», который с трудом поддается структурному описанию; этот случай в его крайнем выражении предусмотрен моделью «тусовки», но в практике неформального общения наложения встречается постоянно, необязательно создавая замкнутые структуры.

Рассмотренные возможности легко представимы как структуры на плоскости (планиметрические). Однако характер взаимодействия зависит от соотношения коммуникативных позиций: иерархического – инициатор или ведущий производит акцию, – либо равноправного, где акции могут производить разные участники.

Коммуникативные позиции обычно подкрепляются социальными, определяемыми собеседниками относительно друг друга – «Выше-Ниже», «Свой-Чужой». Таким образом, структура социально-коммуникативного пространства может быть уже стереометрической, формируемой этими осями. Описанию речевого взаимодействия в этих координатах на примере драматических текстов полилога посвящены работы автора (Федорова 2010; 2011). Далее, характер взаимодействия определяется возможными в заданных позициях стратегиями участников – формальными или неформальными, солидарными или конфликтными, стратегиями содействия или противодействия (Федорова 2012).

1) «Цепочка»; 2) «Веер»; 3) «Стена»; 4) «Тусовка»; 5) «Круглый стол»; 6) «Урок»; 7) «Инструктаж»

Параметрические характеристики полилога

В некоторых случаях важными могут быть функциональные параметры полилога.

- Плотность – определяется числом голосов, в нем участвующих (абсолютная – в речевом событии, относительная – к числу реплик). Для элементарного диалога («акция – реакция») относительная плотность – $2/2=1$.
- Емкость – определяется числом диалогических связей, осуществляемых в репликах между каждым говорящим и его адресатом – индивидуальным или коллективным. Диалогическая связь – отношение между акцией и реакцией на нее, хотя бы и невербальной, т.е. подтвержденная двусторонняя связь, или канал. Относительная емкость элементарного диалога определяется как отношение числа таких связей (каналов) к числу реплик – $1/2$.
- Степень сложности – отношение числа диалогических связей к числу голосов, или емкости к плотности. Для элементарного диалога – $1/2$.
- Степень публичности – определяется отношением числа реплик, обращенных к коллективному адресату, к общему числу реплик.

- Степень приватности – определяется отношением числа реплик, обращенных к индивидуальному адресату, к общему числу реплик. Публичность и приватность – взаимодополняющие характеристики полилога.
- Степень экспрессивности – отношение числа экспрессивно отмеченных реплик к общему числу реплик.

Эти параметры поддаются оценке в примерах документированного полилога. Ранее они были введены и использованы автором при сравнении драматического полилога (Чехов) и спонтанного взаимодействия в сетях (чат) (см. Федорова 2003).

Примеры анализа массовых демонстраций

Обращаясь к анализу массовых демонстраций, мы исходим из социальных условий их протекания, которые создают определенную социо-коммуникативную конфигурацию взаимодействия, проявляющуюся на лингвистическом уровне в выборе стратегий и регистров, речевых тактик и языковых форм. При этом мы опираемся на теоретическую предпосылку, высказанную в работе «Марксизм и философия языка» в 1929 г. (Волошинов 1929) и определяющую реальный объект исследования языка как «социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемое высказыванием и высказываниями». Здесь же нашли воплощение методологические установки М. Бахтина, намечающие порядок исследования:

- 1) формы и типы речевого взаимодействия в связи с конкретными условиями его; затем – 2) формы отдельных высказываний, отдельных речевых выступлений в тесной связи со взаимодействием, элементами которого они являются, т.е. определяемые речевым взаимодействием, жанры речевых выступлений в жизни и в идеологическом творчестве; и наконец – 3) исходя отсюда, пересмотр форм языка в их обычной лингвистической трактовке. (Волошинов 1929: 104).

При анализе дискурса массовых демонстраций мы исходим из того, что демонстрация не является собственно коммуникативным событием. Коммуникация предполагает передачу и получение информации; одним из ее условий является наличие контакта между коммуникантами. Контакт выделяется и Р. Якобсоном в схеме речевого акта в числе шести основных компонентов, определяющих его как коммуникацию (адресант, адресат, сообщение, контекст, контакт, код). Контакт может быть непосредственным

или опосредованным, но гарантированным. В средствах массовой коммуникации – печати, телевидении, интернете – предусматривается востребованность предъявляемой пользователю информации, как бы гарантируется наличие налаженного контакта с адресатом. В случае демонстрации (будь то политическое выступление или демонстративное поведение ребенка), хотя она и направлена целевому адресату, не предполагается контакт с ним; ее можно расценивать лишь как попытку коммуникации, *пред-коммуникацию*, или же как сознательный акт самовыражения. Нет никакой гарантии, что выступление демонстрантов будет услышано, и тем более, что будет получен ответ от целевого адресата. В этом состоит драматизм ситуации демонстрации и в то же время заложены основания ее успешности: чтобы быть услышанными, замеченными, эффективными, подобные выступления должны быть массовыми. Сила воздействия малых величин может эффективно противостоять силе власти только при достаточном их количестве. Однако и одиночные или малочисленные пикеты также могут иметь широкий резонанс и тем самым стать значимыми.

Итак, кто же является участниками демонстрации? Во-первых, сами демонстранты, во-вторых, возможные медиаторы, посредники; полиция представляет собой властного медиатора («суррогатную власть»), имея полномочия наведения порядка; другие посредники – журналисты, наблюдатели, просто свидетели – создают необходимый резонанс для того, чтобы сообщение достигло целевого адресата.

Организованное речевое событие с несколькими участниками, согласно принципу кооперации Грайса, подчинено условиям общения: диалог – правилу чередования реплик, правилам установления, поддержания, завершения контакта; многостороннее общение также основано на очередности и базируется на условиях, необязательно этикетных, принятых в конкретном коллективе. Организация противостоит спонтанности; позиция модератора, председателя в дискуссии, ведущего собрание, как бы создает барьер между взаимодействующими сторонами, в его задачи входит снимать напряженность. Это относится и к речевым событиям устных жанров, и к общению в сетях, и к массовой демонстрации как жанру диалога.

Пример 1. Митинг как противостояние власти

Поводом для массовых выступлений зимой 2011–2012 гг. послужили, в частности, выборы верховной власти, которые проходили с большими нарушениями, что и вызвало сильное протестное движение в разных формах – марши, митинги, пикеты. Их участники объединялись в солидар-

ных действиях, выражая свою позицию «несогласных». Практика митингов и демонстраций показывает сложную структуру взаимодействия: здесь возможны несколько ситуаций, развивающихся в различных контекстах социального позиционирования. Рассмотрим их подробнее.

1) Между толпой (коллективный адресант) и властью (целевой адресат) – это не ситуация коммуникации: нет установленного контакта, не ожидается непосредственная реакция, это ситуация демонстрации. Поскольку это инициативное выступление демонстрантов, оно является акцией. В то же время это реакция на некоторое событие А, инициированное целевым адресатом. Даже при отсутствии вербального действия само коллективное выступление может уже рассматриваться как акция протеста («Мы вышли отстоять наши интересы, даже ногами» – объяснение участника). Его выражением может стать любой символ объединения участников. Стратегия демонстрантов – противостояние, причем солидарное, сплоченное как «стена», если применить структурные схемы полилога.

Символом протестного движения в 2011 г. становится белая ленточка. В дальнейшем разные ленточки начинают служить символической меткой, формой приобщенности к какому-либо движению: так, позднее наполняется новым содержанием георгиевская ленточка, в последнее время появляются голубые и желтые ленты в косах девушек – участниц антивоенных акций. Подобные предметные символы обозначают выбор позиции их носителем (ср. семиотически эквивалентную раскраску на лицах в цвета национального флага на спортивных матчах); они разделяют «своих» и «чужих».

2) Обычно демонстрация предполагает митинг, выступления лидеров или других участников, обращенные к толпе. Между оратором и толпой происходит собственно коммуникация в речевой форме. Оратор – обычно лидер на трибуне, т.е. занимает вышестоящую позицию и по своему статусу и ситуативно. Толпа – внизу, это коллективный адресат, но с ограниченным набором возможных реакций; это может быть:

- поддержка лидера – скандирование лозунгов, прямые ответы на прямые вопросы: *Да, Нет*;
- реакция неподдержки и осуждения: освистание, скандирование *УХОДИ!*
- молчание как отказ от коммуникации в позиции «нижестоящих» или несогласие.

Структура полилога – «лидер – стена», т.е. толпа выступает как коллективный адресат, когда она действует в один голос – в унисон. Сила унисона – в создании стереоэффекта и резонанса; он может производить устрашающее действие, это глубоко экспрессивное воздействие. Молчание тоже может быть унисонным действием значительной силы – по пушкинской формуле «народ безмолвствует». Емкость взаимодействия определяется

в паре «лидер – стена», ее величина незначительна и зависит от числа выступающих. Зато надежность контакта укрепляется – она обеспечивается, с одной стороны, микрофоном, с другой – унисоном, скандированием множеством голосов. Возможны и одиночные реакции – выкрики из толпы, усложняющие структуру коммуникации («веер», пучок): они могут создавать полифоническое звучание или несогласованное разноречие. Таким образом, разноречие, полифония и унисон рассматриваются как три разные формы совместных речевых действий в полилоге, в отличие от понимания унисона как диалогической стратегии, противопоставленной полемике (Соловьева 1965; Балаян 1971).

3) Между каждой личностью с плакатом в толпе и на трибуне (адресанты) и властью (целевой адресат) – ситуация демонстрации; каждый несет свое сообщение – речь или лозунг, обращенные к власти. Лозунги могут быть ответами на высказывания власти или инициальными акциями. Эта ситуация создает полифонию голосов, развивающих общую тему (отчасти это напоминает подхваченный унисон в диалоге в понимании А. Балаяна (Балаян 1971), но здесь нет диалога как двустороннего взаимодействия). Здесь формируется односторонний полилог как ответ на стимул – действие власти. Структура полилога напоминает «веер» (пучок). Но этот однонаправленный полилог не создает еще коммуникацию в собственном смысле слова, оставаясь демонстрацией, т.е. в значительной мере монологическим способом самовыражения, ломающим иерархию и применяющим игровые маски.

В митинге на проспекте Сахарова 24 декабря 2011 г. демонстранты несли лозунги, нередко обращенные конкретным адресатам:

*Мы знаем, что ты хочешь третий раз, но у нас голова болит.
Чуров, твои 146% не лезут в твит!
Гарант Конституции? Или тогда и читай Конституцию.
Мы протестанты! Папа, уходи!*

Подобные высказывания недопустимы в иерархическом общении, но в ситуации демонстрации нарушаются границы и снимаются этические условности.

4) Между личностями в толпе – солидарное взаимодействие Равных: взаимная поддержка, эмоциональная оценка лозунгов, приобщение, соревновательность. Это ситуация коммуникации, активный спонтанный полилог; здесь возникают множественные диалогические связи, которые трудно учесть при анализе, – они составляют общий фон взаимной поддержки; насыщенность коммуникативными связями создает объемную структуру взаимодействия. В этой среде проявляется активный и игровой

настрой демонстрантов, сродни карнавальной стихии народного праздника, по Бахтину. Некоторые лозунги прямо обращены к «своим», используются классические цитаты, слоганы, утверждающие позитивный настрой:

*Люди! Улыбайтесь, Обнимайтесь, Любите друг друга!
Товарищ, верь, взойдет она, звезда пленительного счастья...
Россия может быть лучше!*

На плакатах изображаются и «солидарные» виртуальные персонажи – Чебурашка, инопланетянин, Белый медведь, Ктулху и др.

Степень сложности взаимодействия (отношение числа каналов к числу голосов) внутри представленных ситуаций позиционирования можно оценить лишь приблизительно. С учетом того, что однонаправленные акции не образуют диалогических связей (ситуации 1 и 3), основным полем коммуникативного взаимодействия остается публичный диалог между лидером и толпой как коллективным адресатом (ситуация 2). Для него степень сложности колеблется в пределах от $\frac{1}{2}$ до 1 в зависимости от числа выступающих. Но коммуникативная структура осложнена спонтанными взаимодействиями между участниками внутри толпы (ситуация 4), которые добавляют приватные связи. С другой стороны, структура полилога включает множество однонаправленных монологических акций (ситуация 3), которые и составляют полифоническую суть демонстрации и должны быть учтены в описании. Эти характеристики проявляются в параметрах плотности и емкости взаимодействия. Плотность, или насыщенность голосами, в демонстрации тем выше, чем больше участников, имеющих «голос». Если считать «голосом» наличие хотя бы минимального выражения позиции – в виде ленточки или иного символа солидарности, – то эта величина значительно превосходит число участников с плакатами (условно соответствующее числу реплик). Емкость коммуникации для события в целом трудно оценить количественно из-за спонтанности коммуникативных взаимодействий (хотя возможно обозначить ее нижнюю границу числом участников для ситуации 2). Степень экспрессивности может условно определяться отношением числа плакатов к числу «голосов»; для акций зимы 2011–2012 она очень высока.

Для характеристики демонстрации как одностороннего полилога можно использовать также степень монологичности – величину, условно определяемую отношением монологических акций к числу всех акций в процессе демонстрации. Поскольку все акции, особенно внутри солидарного взаимодействия ситуации 4, учесть трудно, можно использовать оперативную рабочую оценку степени монологичности как отношения числа плакатов к числу «голосов». Эта величина будет обратна

относительной плотности полилога, которая в принципе характеризует степень его полифоничности.

Данный расклад отражает взаимодействие в массовой протестной демонстрации; его примеры (митинги в декабре 2011 и январе 2012 гг.) были проанализированы в ряде работ, в частности в коллективной монографии «Мы не немые» (2014).

Пример 2: противостояние митингов (30.12.2014)

Возможен иной расклад геополитических позиций, в котором противостоят друг другу две активные силы; таким примером может служить противостояние двух митингов на Манежной площади в Москве 30 декабря 2014 г.

Особенностью данного события являлась минимальная его организация; с одной стороны это была ответная реакция на приговор суда Алексею и Олегу Навальным, оглашенный утром в предновогодний день вопреки объявленной дате 15 января, с другой – организованная поддержка решения властей ее сторонниками. Причем времени на подготовку акций было совсем немного: митинги состоялись в тот же вечер в центре Москвы на общей территории. Взаимодействие было в значительной мере спонтанным.

Участниками этого события выступают три стороны: сторонники Навального, противники и полиция («суррогатная власть») как посредник. Однако структура взаимодействия достаточно сложная, поскольку она включает односторонние действия по отношению к целевому адресату – власти – с противоположных позиций, а также спонтанное взаимодействие сторонников и противников между собой и с посредником-полицией. И этим не исчерпываются структурные связи.

Другие особенности связаны с реальной обстановкой проведения акций.

Поскольку на площади столкнулись два митинга, к тому же в полутемной обстановке с предновогодней иллюминацией, участникам важно было иметь символы принадлежности к определенной партии. У сторонников Навального очень мало плакатов, но есть опознавательные знаки – красные круги с надписью «Навальный», выглядящие на фотографиях как новогодние шары. У противников – георгиевские ленты и их цвета на одежде, папахи и костюмы «казаков».

Все речевые действия – устные; две стороны используют унисонные повторы слоганов, полиция – микрофон.

Рассмотрим все составляющие этой сложной ситуации общения.

Со стороны сторонников Навального акции имеют две основные направленности:

1) односторонние акции протеста по отношению к власти:

*НЕТ Беспределу!
Хватит врать!
Свободу братьям Навальным!
Свободу политзаключенным!
Мы не уйдем.
Путин, уходи!
Россия будет свободной.
Свободу Олегу Навальному!
Хватит врать и воевать!
Россия – это Европа!*

2) призывы по отношению к «своим», к потенциальным сторонникам и ко всему обществу в целом:

*Один за всех и все за одного!
Россия будет свободной.
Герои в тюрьме, фашисты в Кремле.
Хватит смотреть в стол!
Новый год без Путина.
Я брат Навального.
Украина, мы с тобой!
Слава Украине!*

Но можно выделить и третьего целевого адресата:

3) «сторонники» – Навальному.

Один за всех и все за одного! – слоган, девиз мушкетеров, который произносил А. Навальный 24.12.11 на площади Сахарова, подхвачен сторонниками и направлен не только ко всем, но уже и к нему как акция поддержки, солидарности.

Все эти акции имеют одностороннюю направленность, характерную для демонстрации; поскольку это прежде всего способы выражения собственной позиции, порой трудно разграничить их конкретную адресованность; но как таковые эти акции являются способом потенциального воздействия на всех целевых адресатов – власть, все общество, конкретно А. Навального.

Со стороны противников Навального также производятся акции, направленные целевому адресату – власти; это акции-призывы поддержки власти и против сторонников Навального:

*Отдать зачинщиков под суд / Не бывать майдану тут!
Путин, родина, свобода!*

Каждый слоган скандируется по десятки раз, пока его не перекрывает лозунг противоположной группы.

В результате столкновения складываются спонтанные диалогически-переключки «противников» и «сторонников»:

– *Путин, родина, свобода!* vs. – *Путин вор.*
– *Майдан – Магадан!* vs. – *Путин, лыжи, Магадан.*
– *Нет Майдану!* vs. – *Русские и украинцы – братья навек!*
– *Россия – это мы! Мы здесь власть!* vs. – *Россия – это Европа! Россия будет свободной!*
– *Навальный должен сидеть в тюрьме!* vs. – *Навальный должен сидеть в Кремле!*

Переключка противников и сторонников приобретает соревновательный характер: чья реплика окажется более удачной. Партия сторонников обнаруживает креативность в создании удачных завершающих реплик. Эти слоганы, каждый из которых направлен всем, вступают в борьбу и по силовому принципу: кто кого перекричит (чей лозунг звучит дольше и громче). Однако в дальнейшем лозунги меняют адресатов. «Противники» – к «сторонникам»:

Янки go home!
Валите отсюда – это наша страна!
Не нравятся Россия, вали в США!
Майдан в России не пройдет.

«Сторонники» – к «противникам», в ответ на появление людей в костюмах казаков:

Ряженые!
Клоуны!

Это уже прямая коммуникация, которая в противостоянии сил чревата столкновениями. Если в первом случае взаимодействие осуществлялось опосредованно, как высказывания по общей теме, направленные к общему целевому адресату, то теперь акции участников направлены друг на друга.

В переключку сторонников и противников вмешивается третья сторона – полиция: «Уважаемые граждане, ваши действия незаконны! Эта акция не санкционирована правительством Москвы. Расходитесь!». Полиция начинает

теснить народ к барьеру. Завязываются диалоги со сторонниками Навального: «Мы вышли отстаивать наши интересы, даже ногами. Площадь большая!». В ответ продолжается активное вытеснение с площади, начинается давка, что порождает выкрики в толпе: «Позор!», «Пресса!», «Свободу!», «С новым годом!»

Возникает ситуация стихийного разноречия, когда участвуют много голосов, выступающих с разных позиций.

Итак, полилог на Манежке характеризуется:

- участием трех сторон и множеством разнонаправленных акций: сторонники – власть (однонаправленная), сторонники – «толпа», сторонники – Навальный, противники – власть, противники – сторонники, полиция – толпа. Первые четыре пары связаны однонаправленной связью, две последние – собственно двусторонняя коммуникация;
- спонтанностью, минимальной подготовленностью, устным характером акций;
- высокой степенью плотности – участвуют множество активных голосов;
- большей сложностью взаимодействия (>2);
- открытым противостоянием «стена» к «стене» сторонников и противников, полиции и толпы («сторонники+противники»);
- высокой степенью публичности, приватные реплики к полиции единичны;
- высокой экспрессивностью, выражающейся в приеме унисона и многократных повторах слоганов, в использовании оценочных номинаций: *ряженые, клоуны, янки*;
- преобладанием унисона над полифоничностью, что говорит о большей сплоченности партий.

Однако и в подобной острой ситуации сохраняется креативность и игра – в остроумных репликах-реакциях в спонтанных диалогах, которые противостоят организованной «костюмированной театральности».

Пример 3: траурный митинг в память Бориса Немцова

Третий пример массовой акции – это траурный митинг в память Бориса Немцова, прошедший в Москве 1 марта 2015 г., через день после убийства, вместо намечавшегося ранее марша «Весна». На этот митинг пришли многие, даже и те, кто не собирался участвовать в марше «Весна». Само трагическое событие сплотило участников – среди них были представители разных политических взглядов и люди вне политики. Они собрались, чтобы почтить память известного политика и человека.

Этот митинг был самым тихим, как отмечают многие наблюдатели. Молчание было знаком траура и скорби, одним из проявлений солидарного унисона. Лозунги не скандировались, они были на плакатах:

Борис – борись!

Нет слов.

Пропаганда убивает.

Я не боюсь!

Беспредел.

Они боялись тебя, Борис.

Идеи не умирают, это пули в каждого из нас.

Я – Борис» (по примеру слогана *Я – Шарли!* в Париже после расстрела редакции «Шарли Эбдо»).

Были лозунги в поддержку Надежды Савченко (они предполагались и на митинге «Весна»):

Надя, живи!

Освободите Надежду Савченко!

Формально можно отметить нескольких целевых адресатов этих лозунгов: власть, «мы все», Борис Немцов, Надежда Савченко, хотя, конечно, основная их направленность – «всем нам», обществу, реакция на событие, выражение потрясения, скорби и соболезнования. Основной символический знак этой демонстрации – цветы, которые складывали на месте убийства. Фоновая обстановка – тишина, периодически прерываемая интервью журналистов с вопросами: «Зачем вы пришли на митинг?» Среди ответов был такой:

Потому что нам не все равно.

Мы встречаемся, чтобы видеть, что мы есть.

Два дня кряду плачет небо.

Нам надо оставаться самими собой и верить в будущее России.

Были элементы креативности – картинки мишени на спине некоторых участников и надписи:

Я не боюсь.

Нас всех не перебьешь.

В целом, митинг характеризовался массовостью, единодушием, унисоном, он не нуждался в особых средствах усиления экспрессивности, это была демонстрация сплоченности перед лицом опасности, ответ на угрозу

терроризма – демонстрация, аналогичная антитеррористическим выступлениям в Париже после событий с «Шарли Эбдо», но еще более спонтанно организованная.

Такие демонстрации тоже можно рассматривать как примеры полилога: в них практически нет публичной коммуникации «лидер – толпа», но присутствуют солидарные акции противостояния насилию, одиночные плакаты выражают общие настроения, растяжки с лозунгами сплачивают участников в движущуюся стену, журналисты как посредники делают доступными частные диалоги-интервью, в которых высказываются мнения и настроения участников.

Некоторые предварительные выводы

Проанализированные примеры позволяют наметить некоторые выводы. Дискурс массовых демонстраций можно исследовать в терминах коммуникации и демонстрации. В то время как коммуникация основана на интеракциях, взаимодействии сторон, демонстрация не предполагает обратной связи, что должно обеспечивать ее бесконфликтный, мирный характер.

Рабочим понятием для описания дискурса массовых демонстраций может быть полилог, который представляет собой сложную структуру многостороннего общения, допускающую и двусторонние взаимодействия, и односторонние (монологические) акции при разном распределении ролей между участниками (коллективный адресант и/или адресат, одиночный адресант, целевой адресат). Реплики полилога могут также иметь множественных потенциальных адресатов.

Диалогические связи в полилоге могут выстраивать реплики в цепочку, образовывать пучки («веер»), объединять коллективных участников диалога в группы. Монологические, односторонние акции могут быть адресованы многим участникам как коллективному адресату или же целевому адресату вне рамок коммуникации.

Полилоги могут быть охарактеризованы плотностью, емкостью, степенью сложности, степенью публичности или приватности, степенью экспрессивности, степенью монологичности. В ситуациях массовых демонстраций они отличаются невысокой степенью сложности, обусловленной солидарными позициями участников, публичностью, экспрессивностью. Конкретные количественные сопоставления не входили в задачи настоящей работы, однако данный аппарат, по-видимому, позволяет получить более определенные результаты.

К описанию массовых акций в демонстрации применимы понятия полифонии (согласованных реплик с общей позиции) и разноречия (несогласованных, конфликтующих реплик с разных позиций). Для полифонии предполагается развитие общей темы в разных голосах, которые как бы идут параллельно друг другу; при этом каждый новый голос встраивается в заданную структуру, добавляясь к пучку реплик. Подобная согласованность может быть проявлением стратегии солидарности и поддержки, но здесь возможно и соперничество, когда один стремится превзойти другого. Борьба мнений в отсутствие посредника может порождать неорганизованное разноречие, хаос.

Суть солидарных действий демонстрантов как способов самовыражения воплощается в формах многоголосия и унисона, которые предназначены произвести воздействие на целевого адресата. В живом противостоянии митингов («стена к стене») большой эффективностью обладает унисон как форма усиления воздействия.

Столкновение взаимонаправленных реплик акционального характера может приводить к ситуации конфликта между двумя сторонами.

Эффект демонстрации заключается в ее воздействии на потенциальных адресатов – пассивные массы, в привлечении сторонников, создании резонанса и в опосредованном воздействии на целевого адресата; сила демонстрации – в многоголосии и унисоне.

Библиография

- АБИЕВА, Н. А. (2010), Онтологические характеристики коммуникативного взаимодействия. В: Логический анализ языка: моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. Москва, 17–27.
- БАЛАЯН, А. Р. (1971), К проблеме функционально-лингвистического изучения диалога. В: Известия АН СССР. Серия языка и литературы. 4/XXX, 325–331.
- БАЛАЯН, А. Р. (1981), Еще один монолог о диалоге (полилоге). В: Русский язык за рубежом. 4, 62–65.
- БАХТИН, М. М. (1965), Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. Москва.
- ВОЛОШИНОВ, В. Н. (1929), Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Ленинград.
- ВОЛОШИНОВ, В. Н. (1929), Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Ленинград.
- МАКАРОВ, М. Л. (2003), Основы теории дискурса. Москва.
- МЫ НЕ НЕМЫ (2014) – МЫ НЕ НЕМЫ: Антропология протеста: 2011–2012. Тарту.
- СЕРИО, П. (2001), Анализ дискурса во Французской школе [Дискурс и интердискурс]. В: Степанов, Ю. С. (ред.), Семиотика. Москва, 549–562
- СОЛОВЬЕВА, А. К. (1965), Проблемы теории диалога. В: Вопросы языкознания, 6, 173–187.
- ФЕДОРОВА, Л. Л. (2003), Чат и драматический полилог: точки схождения. В: Московский лингвистический журнал. 7/1, 77–94.

- ФЕДОРОВА, Л. Л. (2010), Диалог воль и мнений (по тексту пьесы Г.Горина «Тот самый Мюнхгаузен»). В: Логический анализ языка: моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. Москва, 409–423.
- ФЕДОРОВА, Л. Л. (2011), Модели конфликтного общения. В: Федорова, Л. Л. (ред.), Конфликт в языке и коммуникации. Москва, 107–128.
- ФЕДОРОВА, Л. Л. (2012), Формальное и неформальное общение: структура и границы. В: Русский язык сегодня. 5: Проблемы речевого общения. Москва, 395–405.
- ФЕДОРОВА, Л. Л. (2014), Языковой ландшафт: город и толпа. В: Вестник НГУ. Серия: История, филология. 13/6, 70–80.
- ЯКОВЛЕВА, Э. Б. (2007), Полилог – третья форма речи? В: Известия высших учебных заведений. Поволжский район. Гуманитарные науки. Филология. 1, 82–89.
- ЯКУБИНСКИЙ Л. П. (1986), Избранные работы. Москва.
- СНЕН, HSUEN-i (2010), The Concept of the “Polylogue” and the Question of “Intercultural” Identity. In: National Taiwan Normal University). Intercultural Communication Studies. XIX/3, 54–64.
- KRISTEVA, J. (1977), Polylogue. Paris.
- WIMMER, F. M. (2004), Interkulturelle Philosophie: eine Einführung. Wien.